

ФАУСТЬ

ТРАГЕДІЯ ГЁТЕ

ПЕРЕВОДЪ И. ГРЕКОВА

Литератур. № 1

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ И. И. ГЛАЗУНОВА И КОМП.

1859

47545.41.15

✓

Печатать позволяетя

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 9 октября 1859 года.

Цензоръ И. Гончаровъ.

ПАМЯТИ

К. Н. ГРЕКОВОЙ

MARYARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE

FEB 21 1928

ФАУСТЬ.

ТРАГЕДІЯ ГЁТЕ.

ПРОЛОГЪ.

НЕБО.

ТРИ АРХИСТРАТИГА.

РАФАИЛЪ.

Свой совершая ходъ обычными путями,
Сопровождаемо и молнѣй и громами,
Свѣтило дневное свой вѣчный гимнъ гласитъ;
И нѣтъ путямъ его границъ и измѣренья,
И силу въ ангеловъ его вливаетъ видъ,
И, словно въ первый день великаго твореня,
Красой нетлѣнной все горитъ.

ГАВРИЛЪ.

Въ своемъ стремлении вертится
Ведикольпная земля всегда кругомъ,
И ночи тьма глубокая ложится
За уходящимъ яркимъ днемъ;
Сперта гранитными скалами,
Кипитъ морская глубина
Своими бурными волнами,
Стремленьемъ сферъ увлечена..

МИХАИЛЪ.

И всюду дѣйствіе, и словно съ міромъ споря,
И воаѣщая міру гнѣвъ,

То надъ землей, то надъ волнами моря,
Бурь раздается грозный ревъ;
И всюду жизнь кипить, и всюду разрушенье
За ней кладеть слѣды свои;
Но мы, о Господи, какъ вѣстники твои,
Мы чаемъ премудрый ходъ премудраго творенья.

Всѣ трое.

И силу вѣчную даетъ намъ этотъ видъ.
Тебѣ же нѣтъ границъ и постиженья,
И все твое премудрое творенье,
Какъ въ первый день, красой блеститъ. (*Скрываются.*)

ЗЕМЛЯ.

(*Бог*) (*Герда*)
Чистый Духъ и *Мефистофель.*)

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Когда, Духъ Свѣтлый, ты нисходишь
Опять сюда и рѣчъ со мной заводишь,
Какъ заводилъ ее порой,
И спрашиваешь ты, какъ міръ идетъ земной —
Прости, коль громкими словами
Я не съумѣю говорить!
Пусть буду я поруганъ — такъ и быть.
Моя восторженность съ кипучими мечтами
Улыбку на твоихъ бы вызвала устахъ,
Когда бы ты не отвыкъ смѣяться.
Итакъ, уже о солнцѣ и мірахъ
Не стану я распространяться —
И не съумѣю. Я однихъ людей
Тамъ вижу съ грузомъ ихъ скорбей;
Божокъ мірской все тотъ же остается:
Покрай все тотъ же у него,
Какъ въ первый день созданія его,
И плохо все ему живется;
Немного лучше бы онъ;
Когда бы искрою небесной
Онъ вовсе не былъ надѣленъ —
Той искрой, что зовутъ разсудкомъ. Какъ известно,
Ее онъ на пути земномъ
Употребилъ на то, чтобы быть вполнѣ скотомъ.
Прости мнѣ, Свѣтлый Духъ, сравненье!
И если ты теперь даешь

Мнѣ говорить съ тобою позволенье —
Онъ на кузнеца похожъ,
Который, прыгая, летаетъ
И пѣсню старую въ травѣ все распѣваетъ;
Да пусть бы ужъ въ травѣ — а то онъ суеть нось
Во все: и въ лужу, и въ навозъ.

Духъ.

Ужели ничего другаго
Сказать не можешь ты? Зачѣмъ всегда съ собой
Приносишь обвинительное слово?
Иль недоволенъ вѣкъ останешся землей?

Мѣфистофель.

Я нахожу, что все тамъ будетъ вѣчно,
И самъ скорблю о томъ сердечно,
Но мучить бы людей я вовсе не хотѣлъ:
И безъ того печаленъ ихъ удѣль.

Духъ.

Ты знаешь Фауста?

Мѣфистофель.

Какого?

Ученаго?

Духъ.

Онъ рабъ мой.

Мѣфистофель.

Я другаго,
Подобнаго ему, безумца не встрѣчалъ.
Тебѣ по-своему онъ служитъ:
Всегда въ волненьи, вѣчно тужитъ,
И въ пишу взялъ себѣ какой-то идеалъ;
Все вдалъ влекутъ его желанья;
Но въ немъ ни капли нѣть сознанья,
Что онъ безумствуетъ: небесный сводъ давай
Ему, и звѣзды, и сіянье,
А на землѣ онъ ищетъ рай;
И все, чѣмъ близко и далеко,
Не можетъ утолить души его глубокой.

Духъ.

Его я къ свѣту приведу;
Онъ мнѣ же служитъ, хоть блуждаетъ.
Въ своемъ саду всегда садовникъ знаетъ,
Какое дерево готовится къ плоду.

Мѣфистофель.

А я держу пари, колѣ дашь мнѣ позволенье,

Что не съумѣетъ онъ никакъ концовъ свести,
И я собью его съ пути.

Духъ.

Я полное даю на это разрѣшенье.
Свершая свой юдольный путь,
Стремится человѣкъ всегда къ чему-нибудь;
Стремясь же, онъ всегда впадаетъ въ заблужденье.

Мефистофель.

Благодарю за все, что мнѣ даетъ Господь;
Мнѣ только съ мертвыми возиться надоѣло;
Но тамъ, гдѣ льется кровь и гдѣ бушуетъ плоть,
О, тамъ совсѣмъ другое дѣло!
Я въ этомъ случаѣ, какъ котъ,
Который мышь живую мнеть,
Бываю сильно озабоченъ
И съ удовольствіемъ живыхъ себѣ беру;
За-то, признаться, очень, очень
Мнѣ трупъ гнилой не понутру.

Духъ.

Веди жь его своей дорогой.
Коль съ истиннаго можешь свѣсть пути,
И если совладѣешь — то отъ Бога
Живую душу отврати,
Иль оставайся посрамлѣнныи,
Смотря, какъ верхъ возметъ добро надъ зломъ.
И снова явится стремленье въ искушенномъ
Иди прямымъ благимъ путемъ.

Мефистофель.

Ждать не заставлю, и заклада
Не проиграю своего.
Но если цѣли я достигну, то ужь надо,
Чтобъ полное ты мнѣ позволилъ торжество.
Тогда пускай онъ пыль глотаетъ
И только ею лишь себя
И утѣшаешь, испитаетъ,
Какъ тетушка моя — почтенная змѣя.

Духъ.

Тогда предстань передо мною.
Я никогда не отвергалъ
Духовъ, объятыхъ вѣчной тьмою,
И отрицанье имъ прощалъ.
Для мира нужны испытанья,
Чтобъ человѣкъ — его созданье,

Свободной воли не терялъ,
Чтобъ безпрестанно возбуждалась
Борьба добра въ немъ съ вѣчнымъ зломъ;
Чтобъ тьма въ немъ свѣтомъ озарялась
И добродѣтель бы вѣничалась
Небесной радости вѣнцомъ.
А вы возрадуйтесь нынѣ —
Вы, вѣчной истины сыны,
Что благодатию святыни
Вы ярко такъ озарены!
И съединитъ васъ Вездѣсущій,
Съ святой любовью вѣчно лъющій
Вамъ жизни вѣчную струю,
Въ одну огромную семью.
И то, что въ выспренія сферы
Влечетъ вашъ духъ и васъ томить —
То благодатной силой вѣры
Въ сердцахъ онъ вашихъ укрѣпитъ.

(*Небо закрывается. Архангелы расходятся.*)

МЕФИСТОФЕЛЬ (одинъ.)

Люблю я старика; но съ нимъ гляжу я въ оба
И сдерживаю каждый свой порывъ.
Мнѣ нравится, что онъ — хоть важная особа,
А съ дьяволомъ и ласковъ, и учитивъ.

I.

НОЧЬ.

Узкая готическая комната со сводами. Фаустъ за письменнымъ столомъ.

ФАУСТЬ.

И философія, и медицина мною
Съ законовѣдѣньемъ изучены вполнѣ,
И богословіе... Къ-несчастью, все душою!
Искрепалъ я до дна. И чѣмъ же? Горе мнѣ!
Себя невѣждою такимъ же нахожу я,
И все такой же я глупецъ,
Хотя магистръ и — докторъ, паконецъ.
Ужь десять лѣтъ, какъ за носъ все вожу я
И вкрай и вкось учениковъ моихъ,
И лишь одно узналь изъ опытовъ своихъ,

Что знанье человѣку невозможно —
И вотъ о чёмъ скорбить душа моя.
Отъ мысли той мучительно-тревожной
Изныло сердце у меня.
Положимъ, что глупцовъ я выше разумѣнемъ,
И знаю болѣе монаховъ, докторовъ,
Учителей, какихъ-нибудь писцовъ —
Не мучусь болѣе сомнѣнемъ,
Ни ада не боюсь, ни дьявольскихъ оковъ;
За-то и радости я больше не вкушаю,
И знаю лишь одно, что ничего не знаю,
Чему бы научить я могъ людей,
Чтобъ сдѣлать ихъ счастливѣй и умнѣй.
Къ-чему же были всѣ стремленья?
Ни славы здѣсь, ни уваженья,
Ни денегъ я не нажилъ. О, не снѣсь
Такой бы жизни даже пёсъ!
И вотъ я магин предался,
Чтобы устами духа предо мной
Миръ вѣчныхъ тайнъ разоблачался,
Чтобы я могъ оставить трудъ пустой —
Кровавымъ потомъ трудъ облитый —
Вѣкъ толковать о томъ, чего не знаю самъ;
Чтобъ міръ открылъ моимъ глазамъ,
Что въ тайникахъ его скрыто;
Чтобъ дѣятельность силъ могъ видѣть я,
Ихъ созерцать и наблюдать за ними,
Подмѣтить тайну бытія
И вновь не промышлять словами лишь пустыми.

О если бы, луна, ты въ этотъ грустный часъ
На скорбь души моей лучъ бросила холодный —
Ты, за полночь меня видавшая не разъ
Здѣсь за работою, и трудной, и безплодной!
Тогда, подруга думъ моихъ,
Надъ грудою бумагъ и книгъ
Ты ликъ свой блѣдный мнѣ являла;
О, еслибъ я теперь, тобою озаренъ,
Могъ въ горы быть перенесенъ,
Гдѣ серебристое ты стелешь покрывало;
Когда бъ въ долинахъ и лугахъ,
Подъ сводомъ неба, на просторѣ,
Съ духами ночи, на крылахъ
Носился я въ ихъ шумномъ хорѣ,

Сливался бъ съ сумракомъ ночнымъ,
Съ сияньемъ трепетнымъ твоимъ,
Лился бъ съ прохладою въ волнахъ благоуханья,
И чуждъ душевной тамъ грозы,
И, не измученъ жаждой знанья,
Купаться бъ могъ я, при твоемъ мерцаньи,
Во влагѣ блещущей росы !
О, горе мнѣ ! Еще ль въ темницѣ этой
Мнѣ изнывать въ мученьяхъ суждено —
Средь мрачныхъ этихъ стѣнъ, куда едва лучъ свѣта
Проходитъ въ разноцвѣтное окно,
Гдѣ вѣеть сыростью могильной,
Гдѣ горизонтъ мой — ворохъ пыльный
Бумагъ и книгъ — въ-уробѣнь съ потолкомъ,
Источенныхыхъ голоднымъ червякомъ.
Кругомъ все инструменты, банки,
Изломанные ящики да стеклянки —
Наслѣдство прадѣловъ, обрѣтенное мной...
И это міръ! и это міръ весь мой!

И спрашиваешь ты: зачѣмъ душа тоскою
Истерзана? зачѣмъ такъ ноетъ грудь
И хочетъ жизнь прерваться въ ней порою?
Зачѣмъ средь тѣнія себѣ ты избралъ путь?
Взамѣнъ природы благодатной —
Гдѣ дышетъ жизнью все отрадной,
Что создалъ Богъ для счастія людей —
Вокругъ тебя предметы гробовые,
Животныхъ остыны нѣмы
Да груды человѣческихъ костей.

Туда ! туда ! въ раздолѣ, на свободу,
Въ пространство безконечное полей!..
Тамъ духомъ ты обнимешь всю природу!
Вотъ книга Нострадама. Онъ вѣрнѣй
Покажетъ путь тебѣ. Тамъ яркихъ звѣздъ теченье
Изучишь ты въ святомъ благоговѣни;
Тамъ расцвѣтѣть душа твоя,
И разовьются въ ней всѣ силы бытія,
И будетъ твоему доступно слуху,
Какъ духъ тамъ говорить незримо духу.
Но здѣсь напрасно рвется разумъ твой
Постигнуть тайну жизни мировой.

О, вы, парящие незримо надо мною
Здѣсь, полуночною порою,
Здѣсь, въ этой мертвой тишинѣ —
Вы, духи! внимите ли мнѣ?

(Раскрываетъ книгу и видитъ въ ней изображеніе микрокосма.)

Отъ взгляда одного какои-то дивной силой
Душа кипитъ, восторгами полна,
Быстрѣе кровь течетъ по жиламъ
И словно жизнь обновлена.
Не Божество ли эти знаки начертало?
Они вливаются въ душу мнѣ покой,
Они снимаются предо мной
Съ природы дивной покрывало.
Или я самъ ужъ божество?...
Теперь такъ ясно естество,
Такъ все въ немъ просто и понятно,
И въ первый разъ теперь мнѣ внятна
Мысль одного изъ мудрецовъ:
«Тебѣ доступенъ міръ духовъ;
Но слабъ ты разумомъ и робкою душою.
О, ученикъ! скорѣй вставай
И грудь свою земную обдавай
Зари румяною волною!»

(Разсматриваетъ изображеніе.)

Какъ жизнью общей все кипитъ!
Какъ все ей дань принесть спѣшить!
Какъ все одно здѣсь для другаго
Живеть! Какъ съ неба голубаго
Нисходить сонмы дивныхъ силь
И всходять вновь, передавая
Златыя ведра. И, слетая
Благословеніе съ ихъ крылъ,
Всю землю благодатью осѣняетъ
И міръ гармоніей чудесной наполняетъ.

Какое зрелище! Но только здѣсь, увы!
Одно лишь зрелище, для глазъ лишь упоенье!
Какъ безконечность уловить творенья!...
А вы, сосцы природы! гдѣ же вы?
Гдѣ вы источники всей жизни той чудесной,
Которой держатся земля и сводъ небесной?
Къ вамъ грудь изсохшая въ тоскѣ обращена:

Вы льете жизнь обильною волною,
Вы всю вселенную питаете собою,
И только лишь душа моя одна
Безплодной жаждой сожжена.

(Съ негодованіемъ переворачиваетъ листъ и
видитъ изображеніе Духа Земли.)

Какъ этотъ знакъ, какъ это начертанье
Имѣеть на меня обратное влияніе!
О, Духъ Земли, ты близокъ отъ меня!
Я чувствую, какъ силы возрастаютъ,
Какъ въ обаяніи бытія
Мечты и чувства утопаютъ —
И ринуться готовъ я въ шумный свѣтъ,
Опять нести ему въ душѣ моей участье,
Бороться съ горестью, съ толпою страшныхъ бѣдъ,
Гоняться за мечтой невѣдомаго счастья,
Желѣзной грудю встрѣтить напоры бурь,
Крушенье среди волнъ, подъ яростной грозою...
Но вотъ темнѣеть ужъ лазурь,
За тучей свѣтъ скрывается съ луною;
Лампада гаснетъ, вѣтъ синій дымъ...
Какой-то отблескъ по вискамъ моимъ,
Трепеща, быстро пробѣгаєтъ...
Внезапнымъ холодомъ все тѣло обливаетъ...
Я чувствую: ты вѣшься здѣсь вокругъ,
Ты близокъ, призываешь мнай духъ!
Откройся же, чудесное видѣніе!...
Какъ раздирается душа!
Какъ, чувствомъ незнакомымъ ей дыша,
Она полна къ безвѣстному стремленья.
Явиться долженъ ты! тебѣ я предаюсь!
Я твой — хоть съ жизнью прощусь!

(Въ пламени показывается духъ).

Духъ.

Кто звалъ менѣ?

Фаустъ (отворачивался).

Ужасное видѣніе!

Духъ.

Могущимъ зовомъ ты привлекъ меня къ себѣ.
Я внялъ твое моленіе,
И вотъ изъ сферъ моихъ являюсь я къ тебѣ,
И что жь?

Фаустъ.

О, горе! видъ твой угнетаетъ...

Духъ.

Желаньемъ знать меня душа твоя сгараєтъ,

Ты хочешь слышать голосъ мой,

Ты лика моего алкаешь созерцанья:

Я покоряюся могуществу призванья —

Являюсь предъ тобой,

И что жь? Откуда страхъ въ душѣ твоей могучай?

И где жь призванія твои?

И где жь тотъ міръ въ твоей груди,

Который создалъ ты фантазіей килучай?

Где жь радость свѣтлая твоя,

Въ которой возносился ты мечтами

До упоенія бытія —

Которой равенъ былъ съ духами?

Где жь Фаустъ тотъ, чей голосъ звалъ меня,

Звуча такъ грозно, неотступно,

Который рвался здѣсь ко мнѣ ежеминутно?

Да полно, ты ли Фаустъ тотъ —

Ты ль, въ жилахъ чи мое дыханье льетъ

И страхъ, и содроганье,

Чье тѣло все трепещетъ такъ?

О, жалкое созданье!

Свернувшійся отъ ужаса червякъ!

Фаустъ.

Я ль отступлю передъ тобою,

О, чадо страшное огня!

Я равный твой, да — Фаустъ я.

Духъ.

Въ волнахъ бытія,

На вѣчномъ ихъ пирѣ,

Всходя, нисходя,

Я плаваю въ мірѣ.

Рожденія мигъ,

Могила нѣмая,

Пучина морская,

Всѧ ткань міровая —

Я съ ними, я въ нихъ.

Такъ тку я на станѣ

Летящихъ временъ

Одежду живую

Для Божьихъ раменъ.

Фаустъ.

О ты, что носишься вокругъ
Пространства безконечнаго вселенной,
Я чувствую, съ тобой я близокъ сходствомъ, духъ!

Духъ.

На духа ты походиши совершенно,
Котораго ты можешь постигать —
Не на меня. (*Исчезаетъ.*)

Фаустъ.

Не на тебя?
Но на кого же?
Я — образъ Божій,
И даже не похожъ я на тебя?

(*Стучатъ въ дверь.*)
О, смерть! Такъ это онъ, сотрудникъ мой несчастный,
И вотъ блаженству ужъ конецъ!
Вѣть нужно жь, чтобы разрушилъ этотъ листецъ
Моихъ видѣній рой прекрасный!

(*Входитъ Вагнеръ въ халатъ и колпакъ съ лампадою въ рукахъ. Фаустъ съ негодованіемъ отворачивается отъ него.*)

ВАГНЕРЪ.

Прости мнѣ, если помѣшалъ.
Конечно, греческихъ ты авторовъ читалъ?
Ты декламировалъ. Признаться,
Искусствомъ этимъ мнѣ хотѣлось бы заняться.
Въ нашъ вѣкъ такъ много пользы въ немъ
Тому, кто хорошо его изучить.
Слыхалъ я, что иной актёръ въ искусствѣ томъ
И проповѣдника поучить.

Фаустъ.

Да, если проповѣдникъ тотъ — актёръ,
Какъ это часто мы видаемъ.

ВАГНЕРЪ.

Ну, да, когда всю жизнь себя мы запираемъ
Въ ученый кабинетъ, когда на міръ нашъ взоръ,
Мы только въ празднике обращаемъ,
И то черезъ стекло, издалека —
Наука убѣждать, конечно, нелегка.

Фаустъ.

Ее ты изучить не въ силахъ будешь вѣчно,
Когда не носишь ты ея въ груди своей,
Когда не черпаешь изъ глубины сердечной
Всего, что дѣйствовать способно на людей.